

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Пока муж в командировке. 3. Дальний родственник

Он приехал неожиданно, не позвонив, не написав, не сообщив, просто появился в дверях, улыбающийся, с огромной спортивной сумкой в руке, — а поскольку дверь открыла именно я, и я совершенно его не знала, и ни разу не видела, поэтому стояла и смотрела на него, ждав разъяснений, но он мне их не давал — просто стоял, и смущённо улыбался. Появился мой муж, и тут же узнал своего двоюродного дядю Никифора, которого и не чаял увидеть в живых — потому что тот пропал на 5 лет, не звонил, не писал, а запросы по месту жительства оставались без ответа — и вдруг: он появился одним ранним утром на пороге нашей квартиры. Глубокие морщины избородили его лицо, а короткие, седые волосы, торчали в разные стороны ёжиком, видно было, что жизнь его изрядно потрепала, но всё же — он производил впечатление бодрого пожилого мужчины, ещё не старого, полного сил и энергии.

Я накрыла стол в гостиной, и Никифор нам сказал, что не отвечал на запросы потому, что пять лет отсидел в тюрьме — и только недавно освобоёлся. У нас он проездом — мы единственные его родственники в городе, поэтому он приехал именно к нам. Он начал расспрашивать моего мужа обо всей родне, о знакомых; со мной он практически не говорил (у нас не было, и не могло быть общих тем). А сразу после завтрака, он сообщил, что приехал к нам всего на несколько часов, и вечером уезжает — билеты уже куплены.

Признаться, это было совсем даже неплохо. Потому что сегодня — муж, так же вечером, должен был ехать в командировку, и для нас с мужем, поначалу, пока мы ещё не знали, что Никифор не останется на ночь, возникла дилемма, где его устроить на ночлег. В нашей квартире — получается, что он останется наедине со мной (для мужа это было тревожно, и даже не потому, что он мне не доверял, он мне, как раз, доверял, но оставить мужчину в одной квартире на ночь со своей женой — сложновато с точки зрения морали), точно так же муж мой не мог предложить Никифору снять на ночь гостиницу — это тоже было неэтично. Таким образом, тот факт, что Никифор не остаётся у нас ночевать, мигом решил эту дилемму. Вечером, мы с мужем проводили Никифора до аэропорта, попрощались с ним и оставили его в зале ожидания, а сами поехали на ж/д вокзал, где я посадила мужа на поезд.

Вернулась домой. И только я всё с себя сняла, приняла душ, одела чистые трусики и домашний халат — как прозвенел звонок в дверь. Открывши, я увидела на пороге Никифора.

Оказывается, его рейс отложили на сутки, и он решил приехать к нам. Я впустила его, он прошёл, снял туфли, поставил сумку на пол, прошёл в комнату, огляделся и спросил:

— А где Андрей?

— Он уехал в командировку.

Никифор замер, растерянно глядя на меня.

— Я не знал.

— Мы вам и не говорили, что он сегодня уезжает.

— Если б я знал, я бы остановился в гостинице.

— Но раз вы приехали, не уезжать же вам обратно. Переночуете здесь, на диване, в гостиной, я вам постелю.

Он всё ещё стоял, испытывая сильное сомнение.

— Нет. Мне, наверное, лучше уехать.

— Дядя Никифор. Оставайтесь. Мы сейчас поужинаем, я вам постелю здесь, а сама уйду к

себе. В комнате, вон, есть телевизор, посмотрите перед сном.

Законы гостеприимства требовали, чтоб я оставила его на ночь, хотя было немного не по себе. Не скажу, что я хоть сколько-то его боялась, но сам факт того, что он сидел в тюрьме, накладывал на него отпечаток чего-то особенного, инородного, чужого. Я не знала, как вести себя с этим человеком, равно как я и не знала, чего можно от него ожидать. Нет, я не боялась, что он набросится на меня, и попытается изнасиловать, я была выше его, и моложе, и могла постоять за себя, да и не видела в нём насильника, или человека способного на изнасилование.

Мы поужинали. Я постелила на диване и ушла к себе в спальню. Включила свет, сняла халат, надела комбинацию и легла на живот поперёк нашей двуспальной кровати с журналом «Космополитен» в руках. Листала, выискивал интересные статьи, слыша, как в гостиной разговаривает телевизор.

Раздался тихий стук в дверь спальни.

— Не заперто, — сказала я.

Никифор приоткрыл дверь, заглянул, спросил разрешения зайти, и зашёл, получив разрешение. Я продолжала лежать в своей короткой комбинации поперёк кровати. Никифор присел возле меня, на краешек. Я знала, что комбинация слегка просвечивает и мужчина видит то, что на мне белые стринги. К тому же ткань комбинации очень эффектно облепляла мою попу.

— Мне стало одиноко. Можно я тут немного посижу.

Я молчала, ничего не ответив. Он спросил:

— Что читаешь?

Я показала обложку журнала. Дядя подвинулся ближе, разглядывая. Теперь он сидел вполоборота, в семейных трусах и майке, на моей постели. «Как до этого дошло?» — подумала я. «И как мне из этого выкрутиться?» Интимное присутствие взрослого мужчины в моей спальне, когда я сама была в одной комбинации и стрингах — невольно меня возбуждало. И возбуждало довольно сильно. Но это ровным счётом ничего не значило. Я не собиралась вступать с Никифором ни в какого рода отношения. Ни о каком интиме и речи быть не могло. Я определила для себя границу дозволенного, и за эту границу переступать не собиралась.

— Там есть тесты? — спросил Никифор.

— Да, есть, — сказала я, и нашла один.

Вопросы оказались довольно весёлыми. Я задавала — Никифор отвечал, иногда довольно даже смешно. Атмосфера разрядилась. По крайней мере, мне так показалось. Но это оказалось всего лишь паузой.

Никифор слегка откинулся на локоть, и теперь стал ещё ближе к моей попе, и к краю моей ночной сорочки. А через некоторое время, я почувствовала, как мужчина взялся за краешек моей комбинации и тихонько потянул её вверх, задирая комбинацию до тех пор, пока не оголил мои ягодицы. Почему я не возмутилась в тот момент — не знаю. Это несанкционированное обнажение воззвало во мне сильные чувства. Я была очарована этим ощущением внезапного возбуждения, когда душа, внутри меня, словно срывается в головокружительную пропасть, падает... и начинается счастливое парение, и сердце замирает, готовясь к новому падению, и кровь полноводно бурлит по венам, приливая в органы. Возбуждаюсь.

Я почувствовала тяжесть от мужской ладони на своей ягодице. Пальцы сжали одну мою

дольку, переключились на вторую, ребро ладони стало скользить по расщелине между ягодицами — а потом я почувствовала поцелуй на моей попе — я резко отстранилась от мужчины, села возле подушек, возмущённо глядя на Никифора.

— Вам не кажется, что это слишком?

— Прости, Наташенька, не сдержался. Просто у меня пять лет не было женщин.

(Пять лет!? То есть, выйдя из тюрьмы, он ещё ни с кем!? О, Боже, вот это в ситуацию я попала! Но я решила сохранять спокойствие, и найти выход!)

— Но вы же понимаете, что я замужем?

— Да, да, Наташенька, прости. Я сейчас уйду. Прости меня. Я не должен был этого делать. Он приподнялся, и я думала, что он сейчас уйдёт. В тот момент, я реально хотела этого, несмотря на возбуждение.

Но он задержался. Посмотрел на меня, и, неожиданно, сказал:

— Понимаешь, я пять лет не видел женщину. Когда я вышел, я ошалел, глядя на всех этих красавиц, гуляющих по улицам. У меня в брюках так загудело, я подумал, что умру. Он и сейчас у меня гудит...

— Может, вам проститутку снять?

— Да, да, я, конечно, сниму. Наташа. Обязательно сниму... Просто я хотел... Можно я у тебя кое-что попрошу... Всего лишь одна просьба, и всё: я уйду... Я так давно её не видел... покажи мне её.

Несмотря на то, что я смутно догадалась, о чём он говорит, я всё же переспросила:

— Что показать?

— ЕЁ! Безумие! Взрослый мужчина сидел на моей постели в моей спальне и, как ребёнок, просил, чтоб я ему показала. И я, в очередной раз, передвинула для себя границу дозволенного.

— Только пообещайте, что вы сразу уйдёте.

— Да! Да! Конечно! Сразу уйду!

Я видела, как блестят его глаза.

Я чуть подвинулась. Полусидя, полулёжа, я развела в стороны свои согнутые в коленях ноги, открывая взору Никифора трусики, за которыми благоразумно была спрятана моя неразумная киска.

Я чувствовала дикое возбуждение.

Я знала, что это сделаю: покажу мужчине своё скрытое от посторонних глаз интимное сокровище. Я нисколько не комплексовала, потому что у меня — там — всё было продепелировано, всё содержалось в безупречной чистоте.

Я взялась за ткань трусиков и медленно сдвинула её в сторону, обнажая перед Никифором свою красавицу. Это было незабываемое чувство. Сакральный эксгибиционизм. Мужчина смотрел и пускал слюни. Он тяжело дышал; он практически задыхался. Я тоже задыхалась. Я хотела уже закончить показ, но мужчина взмолился дать ему ещё пару секунд полюбоваться, я продлила сеанс. Но когда мужчина потянул руку и прикоснулся к моей киске — я, тут же, отодвинулась, вернула трусики на место и прикрылась подушкой.

Никифор рассыпался в благодарностях, восторженно восклицая: какая она у меня такая чудесная — я напомнила мужчине о его обещании. Он сказал:

— Да, да, конечно! Я иду, я уже ухожу. Чёрт побери! Она прекрасна! Я уже ухожу. Только... покажи мне её ещё разок, и всё.

Это становилось уже совсем глупым.

— Нет!

— Ну, пожалуйста!

— Не-е-ет!

— А хочешь, я тебе его покажу?

Должно быть, я улыбнулась, подумав: «Ну, точно, детский сад. Ты покажи мне, а я покажу тебе». А дядя Никифор принял мою улыбку за одобрение, и решительным движением спустил с себя семейники, обнажая свой член. Он у него торчал. Он был небольшой, но очень крепкий, коренастый, словно гриб-боровик. Дядя Никифор отодвинул крайнюю плоть и полностью обнажил головку.

Я взорвалась.

— Да что вы, в конце концов, себе позволяете!? Ну-ка, быстро уберите его, и сами убирайтесь из моей комнаты.

Никифор тут же, без лишних разговоров, убрал член в трусы, и трусы тут же вздулись на причинном месте. Но уходить мужчина, похоже, не собирался.

— Хорошо, хорошо, Наташа, успокойся. Видишь, я его убрал, всё в порядке.

— Ничего не в порядке!

— Ну, успокойся, прошу тебя, Наташа. Мне просто так тяжело было без женщины! И увидев тебя, такую красивую, молодую, сексуальную, у меня в голове что-то перемкнуло. Прошу, успокойся.

— Я успокоилась. Только прошу вас, выйдите из комнаты.

— Наташенька, знаешь как мне тяжело. У меня всё внутри кипит...

(О чём он говорит? У меня у самой всё кипело, и не столько от гнева, сколько от возбуждения!)

— Наташа, пожалуйста, прошу тебя, помоги мне. Я же не о многом тебя прошу. Это такой пустяк...

(О чём это, интересно он меня ещё просит?)

— Пожалуйста, Наташа, потрогай мне ЕГО немного. Прикоснись к нему рукой, погладь, приласкай его — и всё: я тут же уйду.

— Вы что? Издеваетесь?

— Нет, нет, Наташенька, ни в коем случае! Но у меня, действительно, нет больше сил терпеть. Просто погладь мне его, сожми его рукой, потрогай, и всё — я успокоюсь.

И он снова, спустив семейники, обнажил свой член-боровичок. Я молчала. И смотрела на коренастый, ладно скроенный пенис, на сияющее, умоляющее лицо мужчины. Он вполне и сам мог погладить свой конец, как говориться, погонять лысого. Почему он меня об этом просит? Может, действительно, мужчинам нравится, когда девушки им мастурбируют. Мужу я мастурбировала довольно часто, и умела делать это отменно, по крайней мере, мужу нравилось до безумия. Почему бы дяде Никифору это не сделать? Не порадовать его? Не показать своё умение? Ему будет очень приятно. Не сомневаюсь. Да и мне будет приятно прикоснуться к крепкому пенису, поддержать его, погладить, пожимать, ощутить его твёрдость. Я разволновалась.

Решение быстро созрело.

Я пододвинулась к Никифору. Села боком, с упором на правую руку, а левую (я-левша) протянула и сжала призывно торчащий детородный орган. На ощупь он оказался такой же

крепкий, каким был на внешний вид. Двигая рукой вверх-вниз кожу на пенисе, я делала Никифору очень приятно. Он — растащился. Он протянул руку и положил её мне на бедро. Я перестала ему мастурбировать, убрала его руку со своей ляжки, и снова обхватив рукой его пенис, продолжила: вверх-вниз, вверх-вниз. Дядя Никифор хрипел. Он смотрел на меня, очень довольный. Он снова протянул руку, запустил её мне под ночнушку, прикоснулся к моей ягодице. Я уже не препятствовала, и, пока я дрочила ему, он трогал мои ягодицы, а потом полез выше, по талии, по животу, сжал мою грудь. Соски у меня ныли, внизу живота всё напряглось и зудело, кровь шумела, и весь мой организм бурно выделял различные соки и смазки.

— О! Да! Наташа, — прохрипел Никифор, — возьми его в рот, пососи!

— Нет.

— Ну, пожалуйста, возьми его в рот, мне будет так приятно!

— Я и так делаю вам приятно.

— Но это будет в сто тысяч раз приятней! Наташа! Пожалуйста! Порадуй меня!

Я не поддавалась на уговоры, хотя он уже двумя руками ощупывал под комбинацией моё тело.

До сих пор не знаю, что, всё-таки, считать изменой? Объятия, поцелуи, петтинг; мечты, фантазии, сны? Является ли миньет изменой?

Я поняла, что сегодня уже не смогу удержаться на грани дозволенного. Слишком велико было искушение. Член призывно торчал. Я наклонилась. Приблизила лицо к крепкоголовому пенису, продолжая сжимать его у основания, обхватила его губами, чувствуя, как он наполняет мою ротовую полость, чувствуя его языком, губами, нёбом. Сомкнув плотно губы, я стала совершать движения головой, имитируя половой акт, не переставая при этом ласкать головку пениса языком. Я услышала довольные хрипы Никифора.

— О-о, да-а-а, На-та-ша-а-а, милая-а-а-а!

Мужчина весь дрожа. Он держал мою голову, которая размеренно двигалась вверх-вниз. Сделав кольцо из губ, я скользила по стволу пениса. Выпустив его изо рта, я несколько раз провела по нему языком вверх-вниз, поласкала головку, губами сбоку обхватывала пенис, целуя его, руками массируя яички. И тут я поняла, что моё грехопадение всё-таки состоялось, и нет больше смысла препятствовать своим желаниям, и желаниям мужчины, и я поднялась, сняла с себя трусы, залезла на кровать, уложила Никифора на спину, одним коленом перешагнула через его лицо, и легла на мужчину в позицию шестьдесят девять. Я тут же почувствовала, как жадный рот впился в мою пульсирующую вагину, а сама заключила Никифоров пенис в сладкий плен моих губ. Круг замкнулся. Я вкушала гениталии мужчины, скользя по ним языком, чувствуя, как мужчина лижет у меня там, и пьёт мои соки, руками ухватившись за мои ягодицы и разведя их в стороны. Ненасытные. Я получала столь мощный поток удовольствия от лизания моей киски, что сама тут же дарила мужчине ещё более мощное удовольствие, сося его член.

Мы долго дарили друг другу оральные ласки, а потом, я слезла с дяди Никифора, и оседлала его член. Я, с восторженным чувством, ввела крепыша-боровичка себе во влагалище, и, как только начала фрикции, испытала небывалое по интенсивности чувство, которое, первоначально, приписала своей возбуждённости, но потом, поняла, что причина столь сильного удовольствия в половом члене Никифора. Точнее, в его физиологических особенностях. Точнее, в крепкой, довольно широкой, головке пениса, которая, попав в моё

влагалище, стала тереться о самый вход во влагалище, о те несколько сантиметров, которые у меня (да и любой женщины) наиболее чувствительны. И это было настолько приятное чувство, что я, не сдерживаясь, стонала, вскрикивала, протяжно мычала, и работала, работала, работала своим тазом, поднимая его вверх, опуская его вниз. Никифору тоже было приятно, потому что при таком неглубоком проникновении мышцы влагалища сильно-сильно сжали область пениса, ниже головки, а это (я знаю из анатомии) самая чувствительная область на мужском пенисе. (Ещё я знаю из анатомии, что природа не зря придумала у мужчин головку пениса, а у женщины оргастическую манжетку, которая, пропуская пенис во влагалище, плотно его обхватывает, сокращается, и, как бы, ловит пенис в плен, который из-за формы головки не может так просто выпасть из женщины)

Бешеным темпом я приподнялась и опустилась на Никифоре неисчислимое количество раз, получая жгучее удовольствие, — но я устала. Я поднялась, развернулась спиной к Никифору, присела на карачки, пропихнула член промеж своих половых губ, откинулась назад, с упором на руки, и, приподымая и опуская таз, стала обеспечивать себе то неглубокое проникновение, которое мне наиболее нравилось. Никифор сжимал мою грудь, скользил рукой по моему животу, по моему лобку, касался клитора. Я двигала тазом вперед-назад, вверх-вниз, совершала круговые движения, добиваясь того, чтобы пенис тёрся о разные стенки моего влагалища. Чем разнообразней действия, тем богаче палитра ощущений. Я перенесла массу тела на правую руку, а левой стала стимулировать клитор, массировать яички мужчины.

И снова устала. Я легла на спину, широко раздвинув ноги, а Никифор лёг на меня сверху. Я помогла ему вставить член в своё лоно. Глубокое проникновение. Акт в миссионерской позе. Мужчина начал с огромным энтузиазмом пихать в меня свой пенис, я сжимала руками мужские ягодицы и помогала ему проникать глубже. Но мне было мало. Я задрала ноги вверх, потом ещё выше, и, в конце концов, положила их Никифору на плечи — проникновение стало максимально глубоким. Доведя скорость и амплитуду фрикций до максимальных параметров, мужчина устал. Он лёг на бок. Мы переплели наши бёдра; соединили наши органы — и новая порция проникновенного соития. А потом...

Никифор овладел мною в позе «по-собачьи». Стоя на четвереньках, я прогибала поясницу, чувствуя, как мужчина вонзается в меня очень глубоко. Это принесло новую волну чувственного удовольствия. Я стала делать встречные движения, беспощадней насаживаясь на пенис Никифора: соитие перешло на новый уровень, превратившись в грубый трах, порево, зверское и беспощадное. Исходя из громких хрипов Никифора, я сделала вывод, что он сейчас оргазмирует. И точно, через несколько фрикций, Никифор напрягся, продолжая меня таранить, начал бурно эякулировать. Прямо в меня. Несколько секунд он дёргался в блаженных конвульсиях, а потом, счастливый и довольный, повалился на меня, благодарно целую мою спину, мою шею. Переведя дыхание, я встала, и, ни слова не говоря, ушла в душ; а когда вернулась, Никифора в спальне уже не было, он ушёл к себе на диван.

Я отрубилась.

А утром, когда проснулась, почувствовала сильное возбуждение, и пожелала, чтобы дядя Никифор снова пришёл. И он, неожиданно, пришёл! Он лёг рядом со мной, и я потянулась к нему, обняла его, целуя, прижалась к нему, вся дрожащая от неистового влечения. Он избавил меня от одежды. Я раздела его. Обнажился его крепыш-боровичок — он уже стоял по стойке смирно. Не скрывая своего удовольствия, я взяла его в рот, и начала ублажать мужчину исключительно одним миньетом. Мужчина лёг поудобней, чтоб иметь возможность

гладить моё тело, а я сосала его член, ласкала его то нежно, то яро, то медленно, то быстро, то жёстко, то воздушно, под разным наклоном головы, втягивая его почти полностью. Я делала это так долго, что челюсть у меня свело, слюна практически закончилась, а язык и губы разбухли и онемели, но я добилась такого мощного взрыва, что чуть не захлебнулась.

Вечером дядя Никифор уехал. Я забралась в постель, и целые сутки проспала, не просыпаясь.

Читайте продолжения: Пока муж в командировке. Эпизод 4. В окне.

Эпизод 5. Злобный старичок. Эпизод 6. В магазине. Эпизод 7. Сауна. Эпизод 8. В парке.

Эпизод 9. Фотосессия. Эпизод 10. Автомеханик. Эпизод 11. В автобусе.

Сайт автора WWW. MillaJ. com. ru